

Легенда Империи Вечной Ночи и один из немногих вампиров, видевших легендарных богов, сейчас лежит в своей собственной роскошной кровати из резного красного дерева, внутри темного подземного дворца, окруженный случайными учеными-кровопийцами и прогуливающимися слугами.

Кожа епископа Молсона была нехарактерно бледно-голубой.

Но она не грубая; кожа тонкая, как лист бумаги, настолько нежная, что почти не имеет пор.

Под этой светлой кожей была сеть толстых вен, а артерии и капилляры, выросшие в человеческое время, были почти полностью голубыми.

Он выглядел блеклым и худым, одетый лишь в роскошный меховой халат, повсюду виднелись сухие, тонкие кости его обнаженной головы и груди.

Он умирал.

Наследник хотел увидеться с ним, но Молсон холодно отказался.

Архиепископ Молсон не испытывал страха, прожив 876 лет, он уже давно мог спокойно встретить смерть. Смерть не была ужасом, а жить вечно было еще одним видом пытки.

За свою жизнь он повидал слишком много.

Архиепископ Молсон не был похож на тех смертных, которые сравнивают свою жизнь с короткой, как фейерверк, жизнью.

Смертные слишком озабочены и слишком спешат.

Их глаза полны жадности, и часто они не знают, что делать, чтобы управлять ими.

Любовь, о которой смертные поют день и ночь, в карьере Молсона могла бы занять меньше одного предложения - любовь.

В его нынешней перспективе любовь и приключения, которыми он дорожил в юности, были лишь мелочью по сравнению с огромной империей, которую он построил.

В то же время заслуги архиепископа Молсона как одного из Тринадцати Апостолов почитались всеми вампирами, а множество тайн, которые он хранил в своей голове об Империи, стоило лишь немного раскрыть, чтобы вызвать сильное землетрясение во внешнем мире.

К этому времени свежая кровь, подготовленная гематологом, была помещена в контейнер, и жидкость медленно стекала по пробирке в вену.

Это не спасет его жизнь, но сделает оставшуюся жизнь немного более сносной.

Теоретическая продолжительность жизни обычного вампира составляет тысячу лет, но в реальности восемьсот или около того считаются долгой жизнью.

Только боги на свете живут вечно, - пробормотал Молсон.

Большая красная свеча рядом с его кроватью постепенно привлекла его внимание, ее свет померк в его зрачках, и архиепископ Молсон повернулся на бок, его глаза стали впалыми и бессильными, когда он рассеянно думал о прошлом.

После такой долгой жизни даже у него были вещи, о которых он особенно сожалел.

Одну вещь он держал в тайне, и даже когда после предыдущего инцидента приехала приветливая журналистка по фамилии Пулитцер, Молсон не сказал ей об этом.

Теперь, когда он умирал, пришло время отнести этот секрет в подземный мир.

Молсон чувствовал себя чрезвычайно раскованно.

Все это время его внутренняя вера в Господа вызывала у него глубокое чувство вины, но желание власти и богатства заставило его загнать это чувство на самое дно своего сердца.

Молсон перепутал имя Господа.

И не только его, он стал причиной того, что все верующие по всему миру ошибаются. Одна мысль о том, что они каждую ночь держатся за руки, молясь не тому имени, вызывала смех и гнев.

Тем не менее, его нельзя было винить.

Вспоминая тогда свой первый день встречи с богом, когда ничего не знающий Молсон был избит полковником Уэртом и Руссу, а затем стал свидетелем того, как сильного раба заживо засосали, превратив в сухой труп.

Неподвижный человек Молсон сразу же почувствовал беспокойство и испуг, не в силах стоять на своих мощных ногах, которые преодолели длину и ширину нескольких стран, с выражением страха и следами слез, прочно приклеенными к его лицу.

Полковник Уэрт не стал его есть, а отправил его в качестве приближенного слуги Руссу.

Это вызвало у него еще больший страх.

По сравнению с паучьим лицом Руссу, полковник Уэрт был, по крайней мере, человеком и мог сохранить свое тело нетронутым, когда пил кровь. Если он случайно обидит этого злого бога, трудно сказать, останется ли от него хоть немного мяса.

По лицу Моррисона трудно было прочесть, но он был не в том положении, чтобы отказываться.

К этому времени Руссу тоже примерно понял, что имел в виду Уэрт, монах с окровавленной головой перед ним был тем, кого он нашел для роли специального переводчика, и, вздохнув на мгновение о предусмотрительности своих последователей, он затем обратился к Молсону на английском, который он знал.

Глаз Уэрта оказался очень хорошим.

Несмотря на свой потрепанный вид, соломенные башмаки и мешковину почти одного цвета, монах Молсон на самом деле был талантливым человеком, свободно владеющим французским, английским и итальянским языками.

Полузабытый английский Руссу, естественно, был понятен Молсону.

Общаясь с ним, Руссу смог узнать несколько вещей. Первая заключалась в том, что в этом мире все еще существует испанский язык, и хотя книга написана на испанском, читается она на французском.

Руссу считал, что режиссер фильма мог поленился и использовать французский дубляж и французский реквизит, чтобы косвенно повлиять на мир кино, тем самым заставив испанский язык "исчезнуть".

Это открытие было очень полезно.

Это означало, что реальность съемок может повлиять на мир после того, как система отправила Руссу в путешествие.

Это натолкнуло его на мысль, что если в будущем у Руссу будет монополия на съемки в реальном мире, он сможет поручить кому-нибудь создать мир по своему вкусу.

"Будет лучше, если каждый в фильме станет богом!".

Руссу рассмеялся, его острозубый рот открывался и закрывался, как лепестки цветка, и леденящий душу звук, похожий на стрекот насекомых, как металлический свисток, заставил Молсона, стоявшего в стороне, побледнеть.

Он же не собирается есть себя?

Помогите!

Больше всех радовался Уэрт, ведь именно он привел сюда Молсона, а с точки зрения причинно-следственной связи Уэрт в любом случае оказал большую услугу.

Но Уэрт чувствовал, что долг можно пока отложить, и, видя, что Молсон может общаться с Господом, он не мог дождаться, когда попросит Молсона допросить Господа вместо него, и мимоходом выразил свою ревность, что тот может слышать божественное откровение Руссу.

Молсон был слишком внутренне поражен, чтобы говорить.

Стоя рядом с Руссу, он даже не осмелился вытереть кровь со своей головы.

"И, пожалуйста, помилуй моего Господа и спроси у него его имя, чтобы я мог молиться день и ночь и чувствовать милость Божью".

Уэрт снова упал на землю, и его изначально белая форма стала наполовину черной, наполовину серой. Когда он поднялся и обнаружил, что Молсон не имеет ни малейшего намерения переводить, он яростно уставился на него, не отрываясь от тела беззвучно кричащего раба, стоящего по другую сторону.

Молсон был ошеломлен, и только тогда он заикаясь рассказал о том, что просил полковник Уэрт.

Что?

Услышав вопрос, Руссу наклонил голову и посмотрел на лежащего на земле человека, а затем медленно произнес имя. Вещь с именем была неважной, и поскольку верующий желал иметь молитву об этой вещи, было бы хорошо дать ее ему.

Услышав ответ, Молсон в нервозности произнес имя задом наперед.

"Кашель-кашель-кашель... Кашель Уссур..."

"Кашель-кашель..."

Ему захотелось несколько раз ударить себя, почему он хотел кашлять в это время.

Глаза полковника Уэрта загорелись от удивления: "Итак, имя Господа - Уссур, какое великое и глубокое имя, даже ваш скромный преданный, слушающий впервые, может почувствовать передачу великой силы от божественного имени Господа".

"Божественное имя - лучшее отражение силы бога, твоя сила так же велика, как сердце неба, ни один другой бог в этом мире не так велик, как ты"

"....." Молсон бросил взгляд, который хотел объяснить, но боялся это сделать.

Пока Уэрт продолжал пировать, Руссу резко прервал его: интереснее было общаться с монахом, который редко мог понять несколько слов, несущих смысл, чем слушать, как тот тараторит о том, о чем не знает, что сказать.

Не смея рассердиться на прерванный разговор, Уэрт тихо ушел.

Его святые инстинкты заставляли его стремиться распространить веру в великого бога Уссура по всему миру.

Руссу же продолжал общаться с Молсоном, и через ржавый английский в качестве посредника он высказал идею, что хотел бы изучать с ним французский и английский языки; в конце концов, не очень приятно постоянно иметь языковой барьер.

Монах Молсон не посмел не согласиться.

Но так как он истекал кровью и все еще был полезен, Руссу сразу же обнял его и впервые сделал вампиром. До конца жизни Руссу серьезно изучал иностранные языки.

Благодаря идеальной языковой среде он быстро прогрессировал.

Для Руссу это было все, что осталось ценного в этом мире.

Самый сильный верующий, полковник Уэрт, напротив, начал стратегически распространять свою веру и управлять миром людей. Он тайно заразил некоторых дворян мощной энергией и использовал бессмертие и божественное могущество как пряник и кнут, чтобы контролировать их.

Вскоре это не заняло много времени.

Влияние злого бога Уссура стало распространяться по всей Южной Америке.

.....

Архиепископ-вампиры отвел взгляд от свечей - странный религиозный узор на подсвечнике заставил его сердце необъяснимо сжаться - и на мгновение задумался, чтобы посмеяться над собой, почему он сегодня так сентиментален.

В этот момент мимо слуг вошел молодой человек.

Он прошептал на ухо епископу Молсону: "С этим выдумщиком разобрались".

Тогда Молсон кивнул и откинулся на подушку, демонстрируя редкое выражение расслабленности.

Удивительно, что кто-то смог вывести по следам тайн, скрытых в картинах Ван Гога и скульптурах Микеланджело, что есть большая вероятность того, что имя его господина не Уссур.

Продолжая думать об этом, он медленно расслабил свое тело.

Не осознавая этого, глаза архиепископа Молсона закрылись.

Лишь много позже было замечено: "Архиепископ Молсон быстро скончался".

В более поздние времена говорили, что архиепископ Молсон был легендарной исторической личностью и одним из немногих вампиров в новейшей истории, служивший великому богу.

Его жизнь охватывала всю историю Империи, его вера в религию Господа нашего и пересмотр Писания - все это свидетельствовало о чрезвычайно набожной кровавой душе и глубоком знании истории из источников, а епископ Молсон написал "Божественного Уссура" и "Смиренного меня", чтобы вдохновить поколения молодых вампиров.

Когда Молсон покинул этот мир, это стало потерей для всех Кровавых и означало, что в мире стало на одного верующего меньше, кто действительно знал и понимал великого бога Уссура.

<http://tl.rulate.ru/book/82174/2578133>